

Научная статья
УДК 81-139:003
DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_66

Семиотические основания риторического декодирования текста

Л. А. Морина (Голышкина)

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия
Ludmila200273@mail.ru*

- Аннотация.** В статье представлены семиотические основания риторического декодирования – концепции, реконструирующей механизмы текстообразования в фокусе оценки их эффективности. Ключевым понятием исследования является риторический текстотип как прототип эффективного текста, выступающий в семиотических функциях кода и метакода как инструмента декодирования. Рассматриваются знаковая ситуация риторического декодирования и ее составляющие. Выявлена метасемиотическая природа риторического декодирования текста.
- Ключевые слова:** риторическое декодирование текста, текстообразование, семиозис, метасемиозис, риторический текстотип, код, метакод, знаковая ситуация, эффективность
- Для цитирования:** Морина (Голышкина) Л. А. Семиотические основания риторического декодирования текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 66–72. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_66

Original article

Semiotic Foundations of Text Decoding Rhetoric

Lyudmila A. Morina (Golyshkina)

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
Ludmila200273@mail.ru*

- Abstract.** The article presents the semiotic foundations of decoding rhetoric, which is the concept of the reconstruction of text formation mechanisms in the focus of evaluating their effectiveness. The key concept of the study is the rhetorical text type as a prototype of an effective text, acting in the semiotic functions of the code and metacode as a decoding tool. The sign situation of decoding rhetoric and its components are described. The metasemiotic nature of text decoding rhetoric is revealed.
- Keywords:** text decoding rhetoric, text formation, semiosis, metasemiosis, rhetorical text type, code, metacode, sign situation, effectiveness
- For citation:** Morina (Golyshkina), L. A. (2023). Semiotic Foundations of Text Decoding Rhetoric. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8 (876), 66–72. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_66

ВВЕДЕНИЕ

Концепция риторического декодирования текста (далее РДТ – Л. М.) возникает как реакция на современные информационно-коммуникационные вызовы, воплощающие стратегию «все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [Baudrillard, 1981, с. 119]. Сегодня коммуникативная ситуация, вовлекающая человека в непрерывный событийный поток, «способствует ускользанию информационных смыслов, информационному разыгрыванию и информационному насилию» [Мальковская, 2005, с. 13]. В таких условиях обостряется потребность в переосмыслении содержания и формы мультиплицируемых сообщений, в установлении корреляций между означаемым и означающим, что обуславливает актуальность подключения семиотического методологического инструментария к лингвокоммуникативным исследованиям.

Цель статьи состоит в разработке и представлении семиотических оснований РДТ – концепции, выявляющей текстообразующий замысел субъекта речи в фокусе категории эффективности коммуникации.

Источником понятия «риторическое декодирование» становится стилистика декодирования, основанная сначала М. Риффатером, а затем развитая на отечественной почве И. В. Арнольд [Riffaterre, 1964, с. 316; Арнольд, 2002, с. 17]. Но если фокус стилистики декодирования направлен «на идейные и эстетические ценности литературного произведения параллельно с получением лингвистической информации» [Арнольд, 2002, с. 33], то риторическое декодирование нацелено на реконструкцию механизмов текстообразования, оцениваемых с позиции их коммуникативно-речевой эффективности.

Продуктивным источником риторики декодирования выступает и разработанная П. Я. Гальпериным и его последователями (А. А. Леонтьевым, А. И. Подольским, Н. Ф. Талызиной и др.) теория ориентировочной деятельности субъекта [Гальперин, 2007]. РДТ берет на вооружение ключевое понятие «ориентировочная основа действия» (П. Я. Гальперин, Н. С. Пантина), которое трансформирует в идею тексто моделирующего образца, определяющего и регулирующего как кодирование, так и декодирование.

РДТ аксиоматически признает знаковую природу текста. «Знаковый характер текста вытекает уже из самого определения знака как двусторонней сущности. <...> Вычленение двух планов – плана выражения и плана содержания – в знаке... стало решающим при определении феномена текста» [Земская и др., 2010, с. 83–84].

В типологии знаковых систем, предложенной Ю. С. Степановым, РДТ фокусирует свое внимание на IX из X рубрик шкалы семиотичности, связанной со структурными уровнями языка, которые обладают следующими семиотическими свойствами: «означающее и означающее сближаются: означающее – общие отношения в системе языка, а означающее (запись) – форма этих отношений; знак абсолютно выделим» [Степанов, 1998, с. 92].

Выделимость знака свидетельствует о возможности его объективации в русле умозаключения У. Эко: «найти код – это значит теоретически постулировать его» [Эко, 2004, с. 83]. Однако В. М. Розин, объясняя сущность стратегии семиотического исследования, отмечает сосуществование различных трактовок самого понятия «код» в научной практике. Сегодня «код понимается как семиотический метод анализа структур и как сама семиотическая структура, но часто и как структура восприятия» [Розин, 2001, с. 121].

В РДТ такое расширительное понимание кода преодолевается различением двух взаимообусловленных ментальных процессов – кодирования и декодирования, где код задает существование метакода. Соответственно, в контексте РДТ требуется решение следующих задач: 1) определить сущность текстообразующего кода и декодирующего метакода; 2) описать знаковую ситуацию РДТ; 3) обосновать метасемиотический характер РДТ как поискового процесса.

РИТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТОТИП КАК КОД И МЕТАКОД

Идея кода традиционно связывается с теорией текстообразования, в которую внесла и вносит свой вклад риторика. Так, Р. Барт, рассуждая о транслингвистике, главная задача которой, по мнению ученого, заключается в изучении референции, связанной с выдвижением на первый план контекста, или ситуации, указывает на ее предшественницу – риторику, которая «в течение многих столетий ставила перед собой ту же задачу – фиксацию (правда, сугубо нормативную) речевого кода (code de la parole)...» [Барт, 2001, с. 174].

В рамках РДТ фиксация кода заменяется его распознаванием: создается ситуация, когда риторический код декодирующего как нормативный образец встречается и соотносится с текстообразующим кодом продуцента, что создает предпосылки для формирования методологии лингвистической реконструкции текстообразования.

Традиционно под кодом с опорой на семиотическое наследие Ч. С. Пирса понимают «знак, приписываемый объекту по соглашению, безотносительно

к наличию или отсутствию общих с объектом характеристик» [Гринев-Гриневич, Сорокина, 2014, с. 86].

Мы, не вступая в противоречие с классической теорией семиотики, но экстраполируя ее на текст как «семиотический организм» (В. М. Розин), исходим из конвенционального признания того, что актуализация риторического кода обеспечивает такое качество текстообразования, результатом которого становится эффективный текст. В ситуации кодирования эффективность понимается как потенциальная способность текста к установлению баланса между реализованными свойствами риторичности и целеполаганием продуцента.

Отметим, что интерес к так называемому идеальному тексту традиционно культивирует и теория текста, считая его предметом своего изучения [Москвин, 2012, с. 45].

В РДТ идея кода воплощается в риторическом текстотипе, или ментальном тексте-образце, представляющем собой когнитивную прототипическую структуру, которая аккумулирует представления о текстовой эффективности [Морина (Голышкина), 2022]. Аргументом в поддержку трактовки кода как текстотипа выступает функционально-прагматическая концепция текста А. Г. Баранова, краеугольным камнем которой является понятие текстотипичности, которая зиждется на обуславливающей текстопостроение когнитивной компетенции продуцента как метапринципе семиозиса [Баранов, 1993; Баранов, 1997].

Риторический текстотип задается и регулируется моделью коммуникативного контекста, в частности структурой коммуникативного акта, что создает условия для создания эффективного текста, обладающего следующими параметрами риторичности: диалогичностью как следствием авторства и адресности, публичностью, аргументированностью, выступающей фундаментом персуазивности, актуальностью, акциональностью, технологической осознанностью [Голышкина, 2020, с. 163].

Последнее свойство предполагает следование риторическому канону как технологии создания эффективного текста, включающей инвентивный, диспозитивный и элокутивный этапы, которые отражают универсальный идеоречевой цикл, фиксирующий движение «от мысли к слову» [Безменова, 1991, с. 43].

Каждый этап риторического канона имеет свою целеустановку. Так, инвенция призвана разработать содержательно-смысловой сценарий текста, создать его семантический каркас, диспозиция – структурно упорядочить содержательно-смысловые компоненты текста, выстроить его композицию, элокуция – вербализовать текстовый конструкт, сформированный предыдущими этапами, путем осмысленной

селекции и комбинации языковых средств, наиболее точно воплощающих замысел продуцента. Иначе говоря, риторический канон задает три базовых аспекта текстопостроения: содержательный, формальный и функциональный.

С позиции семиотического осмысления канон представляет собой такую технологическую структуру, где трихотомия «инвенция – диспозиция – элокуция» коррелирует с предложенными Ч. У. Моррисом измерениями семиозиса – семантикой, изучающей отношения знаков к их объектам, синтактикой, устанавливающей отношения знаков друг к другу, и прагматикой, предмет исследования которой – отношение знаков к интерпретаторам [Моррис, 1998а].

Таким образом, моделирование текста риторического типа представляет собой процедуру вторичного семиотического означивания, обусловленного знаковой природой ментального текста-образца, базирующегося на структуре риторического канона.

Трактовка риторического текстотипа как текстообразующего кода получает верификацию посредством обращения к семиологической концепции У. Эко, в которой код определяется как «структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря тому и обретают способность быть сообщаемыми» [Эко, 2004, с. 84]. Именно такая трактовка кода, связанная с пониманием его как ментальной текстообразующей модели, воспроизводимой в речевой практике, и воплощается в риторическом текстотипе-образце.

В идеале владение риторическим кодом как ментальным ориентиром позволяет продуценту создавать те самые «конкретные сообщения», способные к воздействию эффекту. Однако успешное воспроизведение риторического текстотипа – сложный процесс, обусловленный текстовыми компетенциями продуцента, типом дискурса, спецификой коммуникативной ситуации, выбранным жанром, корректирующим текстопорождение, и т. п. Иными словами, активация риторического кода связана не с любой мыслеречевой деятельностью, а с практикой осознанного текстообразования, нацеленной на результативность.

Положение о том, что «благодаря коду определенное означающее начинает соотноситься с определенным означаемым» [там же, 2004, с. 66], способствует признанию риторического текстотипа как инструмента РДТ, диагностирующего конгруэнтность вербальных экспликатов (означающего) и риторических текстообразующих стратегий, актуализующих параметры текстовой эффективности (означаемого). Иначе говоря, использование декодирующим риторического кода формирует условия

для выявления механизмов и установления закономерностей эффективного текстообразования. Практика декодирования основывается на принципе отражения схемы кодирования, выступает своего рода надстройкой над процедурами текстообразования, что позволяет трактовать *риторический текстотип* как *метасемиотический конструкт*, или *метакод*.

ЗНАКОВАЯ СИТУАЦИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ДЕКОДИРОВАНИЯ ТЕКСТА

Любое семиотическое исследование не может обойтись без реконструирования знаковой ситуации. Обращение к учению о знаках Ч. С. Пирса позволяет рассматривать знаковую ситуацию как триадическое сосуществование знака, объекта и интерпретанты. «Знак, или *репрезентамента*, это нечто, что обозначает что-либо для кого-нибудь в определенном отношении или объеме. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме того человека равноценный знак или, возможно, более развитый знак. Тот знак, который он создает, я называю *интерпретантой* первого знака. Далее знак что-то обозначает, – именно свой *объект*» [Пирс, 2000, с. 177].

Особое внимание исследователи уделяют такому компоненту знаковой ситуации, как интерпретанта, который периодически подвергается дискуссионным толкованиям. Так, Ч. У. Моррис определяет интерпретанту как «предрасположенность к определенной реакции (X) на определенный вид объекта (Y)» [Моррис, 1998б, с. 117].

По мнению У. Эко, перспективным видится понимание интерпретанты как иного способа представления того же самого объекта. Далее исследователь приходит к заключению о запуске с помощью интерпретанты непрерывного процесса семиозиса. Так, «чтобы установить, какова интерпретанта того или иного знака, нужно обозначить этот знак с помощью другого знака, интерпретантой которого, в свою очередь, будет следующий знак, и т. д.» [Эко, 2004, с. 67]. Точка зрения У. Эко объективирует метасемиотическую природу интерпретанты, которая определяется потребностью знака в нескончаемой интерпретации как условия его семиотического существования. Не случайно в видении Н. А. Лукьяновой, переосмысляющей учение Ч. С. Пирса, «интерпретанта – своеобразная семиотическая метаединица, метаконструкция, тождественная триадичной структуре знака в его потенциальности и целеустремленности в процессах коммуникации» [Лукьянова, 2012, с. 192].

Рассмотренные трактовки интерпретанты последовательно дополняют друг друга, объединяясь

вокруг концептуального положения о динамичности знака, непременно погруженного в контекст восприятия.

Поскольку процесс декодирования неразрывно связан с представлением о кодировании, реконструируем в первую очередь знаковую ситуацию создания текста риторического типа, которая проливает свет на семиотику декодирования.

Так, при кодировании репрезентативным как конкретным знаком, участвующим в коммуникации, выступает текст. Объектом, в данном случае мысли, становится риторический текстотип как ментальная репрезентация, как прототип будущего текста, способного выступать действенным инструментом коммуникации. Интерпретанта как результат действия знака может трактоваться как предрасположенность текста оказывать персуазивно-перлокутивный эффект путем актуализации параметров риторичности (диалогичности, публичности, персуазивности, аргументативности, актуальности, акциональности, технологической осознанности) (Рис. 1). При этом укажем, что данная знаковая ситуация будет жизнеспособна только в том случае, если интерпретатору, или продуценту, в той или иной степени известен объект. Именно поэтому материалом РДТ становятся в первую очередь тексты профессиональной публичной коммуникации – политической, публицистической, научной, просветительской, религиозной и т. п., продуценты которых обладают текстовой компетентностью, осознают воздействующий и регулятивный потенциал текста.

Рис. 1. Знаковая ситуация кодирования

В ситуации декодирования мы реализуем принцип семиотического отзеркаливания. Здесь репрезентативом выступает риторический текстотип, актуализация которого обеспечивает поисково-аналитическую деятельность декодирующего. При этом объектом декодирования является, безусловно, текст. Интерпретанта связывается с системой параметров риторического текстотипа, обуславливающих возможности выявления воздействующего

потенциала текста-объекта и создающих условия для верификации гипотез интерпретатора (Рис. 2). Иначе говоря, риторичность есть основание диагностирования текстовой эффективности.

Рис. 2. Знаковая ситуация декодирования

Таким образом, определение конститuentов знаковой ситуации декодирования вносит вклад в определение семиотических границ между порождением текста и рефлексией о его порождении, что обостряет потребность включения в семиозис как минимум фигуры интерпретатора.

РИТОРИЧЕСКОЕ ДЕКОДИРОВАНИЕ ТЕКСТА КАК МЕТАСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Предложенное выше понимание знаковой ситуации декодирования создает обоснованные предпосылки для расширения состава ее элементов путем обращения к семиотической концепции Ч. У. Морриса. Ученый рассматривает семиозис «как пятичленное отношение – V, W, X, Y, Z – в котором V вызывает в W предрасположенность к определенной реакции (X) на определенный вид объекта (Y) (который, следовательно, не действует как стимул) при определенных условиях (Z). В случаях, где существует это отношение, V есть *знак*, W – *интерпретатор*, X – *интерпретанта*, Y – *значение* [означивание, сигнификация (signification)], а Z – *контекст*, в котором встречается знак» [Моррис, 19986, с. 117]. Включение в знаковую ситуацию позиций W и Z актуализирует такие знаковые свойства, как восприимчивость и динамичность.

В концепции РДТ в качестве знака V мы, продолжая следовать триадичной логике «объект – репрезентант – интерпретанта», рассматриваем риторический текстотип, который есть код эффективного текстообразования. Интерпретатором W в РДТ выступает декодирующий как включенный в процессы понимания и интерпретации субъект. Предрасположенность к воздействию эффекту, обеспечиваемому параметрами

риторического текстотипа, связывается с интерпретантой X . В качестве объекта Y выступает подлежащий декодированию текст, сигнифицирующий идею эффективности. При этом диагностирование результативности текста опирается на реконструкцию инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий текстообразования, коррелирующих с тремя измерениями семиозиса – семантикой, синтактикой и прагматикой. Контекстом Z для актуализации риторического текстотипа выступают ситуации групповой или массовой коммуникации, где как раз и оказываются востребованными тексты риторического типа.

Особенность рассмотренного семиотического процесса заключается в приписывании риторическому текстотипу не просто статуса знака, но кода, вскрывающего механизмы создания текстовой эффективности, что свидетельствует о метасемиотической природе ментального текста-образца. По сути, идея метакодности / метазнаковости как способности знака представлять знаки другого кода-объекта выступает концептуальным основанием РДТ и позволяет трактовать сам процесс декодирования как метасемиотический.

Наши рассуждения о метасемиозисе РДТ находят поддержку в семиотических исследованиях в области информатики и управления, где метазнак, или метауровень знаковой системы, рассматривают «как некоторую управляющую систему над знаковой системой (фрагментом сети знаков), оценивающую ее текущее состояние и предлагающую действия, направленные на ее изменение» [Кулинич, 2016, с. 8–9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные семиотические основания концепции РДТ сводятся к следующим положениям:

1. Ментальный текст-образец как прототипическая структура представления знания в ситуации текстопорождения есть код, обеспечивающий возможность создания эффективного текста, в ситуации декодирования – метакод, позволяющий реконструировать механизмы текстообразования и осуществлять аналитическую рефлексию о модели коммуникативного контекста продуцента и о текстовом персуазивно-перлокутивном потенциале. При этом семиотическая природа риторического текстотипа определяется тремя измерениями – семантическим, синтактическим и прагматическим, что получает объективацию в соответствующих текстообразующих стратегиях – инвентивной, диспозитивной, элокутивной.

2. Знаковая ситуация РДТ в ее базовом представлении в качестве семиотического объекта

рассматривает исследуемый текст, направляющий поисковую деятельность декодирующего на репрезентацию экспликатов риторического текстотипа и диагностирование риторичности текста как основания его эффективности.

3. Осмысление компонентов расширенной знаковой ситуации РДТ свидетельствует о мета-семиотичности риторического текстотипа и, как следствие, самого процесса декодирования.

Разработанные семиотические положения формируют базис для утверждения лингво-онтологического статуса РДТ и условия для развития методологии лингвориторической реконструкции текстообразования, выявляющей способы и средства вербализации стратегий и тактик создания текста, а также зоны риторических рисков, возникающих в ситуациях несоответствия текстотипу-образцу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Galilée, 1981.
2. Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2005.
3. Riffaterre M. The Stylistic Function // Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics. Cambridge, Mass., 1964. P. 316–323.
4. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002.
5. Гальперин П. Я. Введение в психологию. 7-е изд. М.: КДУ, 2007.
6. Земская Ю. Н. [и др.]. Теория текста / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова, Н. В. Панченко, А. А. Чувакин / под ред. А. А. Чувакина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2010.
7. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004.
9. Розин В. М. Семиотические исследования. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.
10. Барт Р. Лингвистика текста // Текст: аспекты изучения: семантика, прагматика, поэтика: сборник статей. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 168–175.
11. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. Основы семиотики. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2014.
12. Москвин В. П. Понятие текста и критерии текстуальности // Русская речь. 2012. № 6. С. 37–48.
13. Морина (Голышкина) Л. А. Ментальный текст-образец как ориентир риторического декодирования // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (50): Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. С. 305–308.
14. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1993.
15. Баранов А. Г. Когнитивность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) // Жанры речи: сборник научных трудов / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 4–12.
16. Голышкина Л. А. Риторика декодирования: понятие и методологический инструментарий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 8 (837). С. 160–171.
17. Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука, 1991.
18. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика. Т. 1. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998а. С. 36–88.
19. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос. 2000.
20. Моррис Ч. У. Из книги «Значение и означивание» // Семиотика. Т. 1. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998б. С. 116–130.
21. Лукьянова Н. А. Уровни соподчинения семиотических элементов в коммуникативном пространстве // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 191–196.
22. Кулинич А. А. Семиотические когнитивные карты. Ч. 1. Когнитивный и семиотический подходы в информатике и управлении // Проблемы управления. 2016. № 1. С. 2–10.

REFERENCES

1. Baudrillard, J. (1981). Simulacres et simulation. Paris : Galilée.
2. Mal'kovskaya, I. A. (2005). Znak kommunikatsii. Diskursivnye matritsy = Communication sign. Discursive matrices. 2nd ed., revised. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
3. Riffaterre, M. (1964). The Stylistic Function. Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics. Cambridge, Mass., 316–323.
4. Arnol'd, I. V. (2002). Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk = Stylistics. Modern English. 4th ed., revised. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
5. Gal'perin, P. Ya. (2007). Vvedenie v psikhologiyu = Introduction to Psychology. 7th ed. Moscow: KDU. (In Russ.)

6. Zemskaya, Yu. N. et al. (2010). Teoriya teksta = Text theory. In Chuvakin, A. A. (ed.). 2nd ed., revised. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
7. Stepanov, Yu. S. (1998). Yazyk i Metod. K sovremennoy filosofii yazyka = Language and Method. Toward modern philosophy of language. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.)
8. Eko, U. (2004). Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu = Missing structure. Introduction to semiology. St. Petersburg: Simpozium. (In Russ.)
9. Rozin, V. M. (2001). Semioticheskie issledovaniya = Semiotic Studies. Moscow: PER SE; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
10. Bart, R. (2001). Lingvistika teksta = Text linguistics. Text: aspects of study: semantics, pragmatics, poetics: digest of articles. Moscow: Editorial URSS, 168–175. (In Russ.)
11. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A. (2014). Osnovy semiotiki = Fundamentals of semiotics. 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka (In Russ.)
12. Moskvina, V. P. (2012). Ponyatie teksta i kriterii tekstual'nosti = The concept of text and criteria of textuality. Russian speech, 6, 37–48. (In Russ.)
13. Morina (Golyshkina), L. A. (2022). Mental text sample as orientation for decoding rhetoric. Cognitive Studies of Language, issue 3 (50): Cognition, Culture, Communication in Contemporary Humanities: digest of articles of the All-Russian Scientific Conference. Novosibirsk: NSTU Publ., 305–308. (In Russ.)
14. Baranov, A. G. (1993). Funktsional'no-pragmaticheskaya kontseptsiya teksta = Functional-pragmatic concept of the text. Rostov-na-Donu: Rostovskii universitet Publ. (In Russ.)
15. Baranov, A. G. (1997). Kognitivnost' teksta (k probleme urovney abstraktsii tekstovoy deyatel'nosti) = Cognitive typicality of the text (on the problem of levels of abstraction of textual activity). Genres of speech: digest of scientific papers. In Gol'din, V. E. (ed.), issue 1. Saratov: Kolledzh, 4–12. (In Russ.)
16. Golyshkina, L. A. (2020). Decoding Rhetoric: Concept and Methodological Tool // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8 (837), 160–171. (In Russ.)
17. Bezmenova, N. A. (1991). Ocherki po teorii i istorii ritoriki = Essays on the Theory and History of Rhetoric. Moscow: Nauka. (In Russ.)
18. Morris, Ch. U. (1998a). Osnovaniya teorii znakov = Foundations of the theory of signs. Semiotics (vol. 1, pp. 36–88). Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene Publ. (In Russ.)
19. Pirs, Ch. S. (2000). Izbrannye filosofskie proizvedeniya = Selected philosophical works. Moscow: Logos. 2000. (In Russ.)
20. Morris, Ch. U. (1998b). Iz knigi «Znachenie i oznachivanie» = From the book «Meaning and Signification». Semiotics (vol. 1, pp. 116–130). Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene Publ. (In Russ.)
21. Luk'yanova, N. A. (2012). Urovni sopodchineniya semioticheskikh elementov v kommunikativnom prostranstve = Levels of subordination of semiotic elements in the communicative space. Bulletin of the Tomsk Polytechnic University, 321(6), 191–196. (In Russ.)
22. Kulinich, A. A. (2016). Semioticheskie kognitivnye karty. Ch. 1. Kognitivnyy i semioticheskiy podkhody v informatike i upravlenii = Semiotic cognitive maps. Part 1. Cognitive and semiotic approaches in informatics and management. Problems of management, 1, 2–10. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морина (Гольшкина) Людмила Александровна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры филологии факультета гуманитарного образования
Новосибирского государственного технического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Morina (Golyshkina) Lyudmila Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor of the Philology Department, Faculty of Humanities
Novosibirsk State Technical University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	29.12.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	15.02.2023	
	22.06.2023	